

СОДЕРЖАНИЕ

Предварительные замечания	6
I. Конформизм, или Спасение здесь и сейчас	11
II. Сопротивление, или Риск	63
III. Насилие, или Наказанная смерть	118
IV. Гедонизм, или Поиск утраченной реальности	150
V. Традиция, или Приспосабливающееся сопротивление	192
VI. Бессознательное, или Аксиологическая машина мозга	241
Список публикаций в периодике	290

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Перед тем как приступить к рассуждениям о конформизме, нонконформизме и сопряженных с этими типами поведения явлениях, я должен сказать, что политические приспособленцы вызывают у меня отвращение, а протестующие, напротив, — уважение и восхищение. Но мое неприятие первых и солидарность с вторыми мало что дают для понимания предмета. Всегда ли плох конформизм? Не иди мы на компромисс с окружающими нас лицами, сожительство людей, только и знающих, что восставать друг против друга, сделалось бы бесплодной перепалкой и взаимоуничтожением. Инертная масса оппортунистов, как бы ни были они духовно обеднены, — тот противовес к недовольным рутинной, который позволяет обществу сохранять себя вопреки его втянутости в поступательную историю. И точно так же: ломка затвердевающего порядка нередко бывает контрпродуктивной. Она может явиться не только в виде забегания в будущее, но и в обличье чистой разрушительности или, скажем, социопатии, лишь подражательно отзывающейся на большие культурно-политические сдвиги в устройстве человеком своей жизни. Криминогенность усиливается в обществе вслед за пережитыми им переворотами, будучи несостоятельной попыткой вернуться к ним, несмотря на их завершение. Искусство чутко зарегистрировало этот процесс. Не случайно французская литература принялась изображать благородных разбойников в период романтизма, социальным преддверием которого была революция 1789 года, а русская обратилась во множестве произведений к теме уголовного подполья, после того как отзвучали события, потрясшие страну в 1917–1921 годах.

Спонтанно-ценностный подход к чему бы то ни было не открывает смысл явлений, потому что он, как будет показано в заключающей эту книгу главе, посвященной бессознательному, диктуется нам телесными нуждами, требующими от сознания, чтобы оно не столько вникало в существо дела, сколько квалифицировало обстановку с точки зрения того, благоприятна или неблагоприятна она для выживания в ней. Власть плоти над Духом порождает доксу, которую так яростно сокрушал Платон. Мнения — вопреки его критике — не безоговорочно ложны, иначе им не предавалось бы большинство смертных. Человек не столь безнадежно тонет в заблуждениях, как это казалось Платону и по его почину многим другим философам. В доксе есть своя правда в той мере, в какой она соответствует интересам наших тел, побуждающих сознание овладевать ситуациями, в которые они попадают. Ложен перенос ценностных суждений в контекст, в котором сознание старается быть суверенным, господствующим над плотью, а не зависимым от нее. Самостоятельность наши когнитивные дарования обретают тогда, когда они предоставляют автономии объектам познания, возвращающим ее познающему субъекту. Дать объекту свободу значит отказаться воспринимать его как феномен, как тело, соотношенное с нашим телом, и углубиться в его генезис, в его собственное происхождение, вместо того чтобы довольствоваться рассмотрением его обращенности к нам. Взгляд на объект, выявляющий его генезис, экспланаторен. Объяснение противостоит валоризации. Оно всегда ноуминально, а не феноменально. В расчете проникнуть в сущность существования оно парадоксально, ибо гонится за истиной, расположенной за порогом очевидного, уже истинного в своей наглядности. Преодолевая доксу, объяснение покушается на то, чтобы представить нам мир в становлении. Экспланаторное мышление — достояние тех, кто покорен историей.

В обсуждении приспособительных и протестных стратегий, к которым прибегает человек, мне хотелось добраться до их смысла, отрешившись по возможности (пусть и не подавшейся реализации безоговорочно) от моего личного мнения по поводу этих поведенческих альтернатив. Взятые

в своем возникновении, они отправляют нас к той радикальной выделенности человека из анималистической среды, каковую являет собой наша способность к самосознанию. Авторефлексия объективирует субъекта. Если он фиксируется на своем объектном «я», то оказывается тем, кто готов согласиться с диктатом конъюнктуры, признать власть над собой текущего момента. Но сознающее себя существо в состоянии и превозмочь автообъектность, вернувшись к субъектному «я», для которого самоутверждение будет тогда более значимо, нежели примирение с обстоятельствами. В обоих случаях дело касается нашего спасения. Приспособленец ищет его в бытии, в своей соизмеримости с любым каким ни есть объектом. Сопrotивляющийся заведенному порядку жертвует надежностью своего существования в надежде спастись в инобытии, в том рисующемся ему будущем, которое он противопоставляет непринятой им современности. Обе сотериологии чреватy насилieм. В своей фактичности смерть непобедима, если не предать ее самой смерти. Адаптируется ли человек к социокультурным условиям, которые он застает, или борется с ними, он склонен удостоверять эффективность избранного им способа существования физическим уничтожением того, что считает смертельной для себя опасностью, что угрожает подорвать его позиционирование. Хотя приспособление и сопротивление основоположны для нашего поведения, оно не исчерпывается этими крайностями. Мы можем отказаться и от того, и от другого, если будем руководствоваться принципом наслаждения. Ясно, что потребительство оппозирует восстанию против данностей, однако оно отлично и от подчинения им, коль скоро занято их эксплуатацией. Гедонизм не спасителен, но взамен фантомного бессмертия он предлагает нам извлечь максимум удовлетворения из безотложной жизни, из часа сего. Еще один экзистенциальный модус состоит в поддержании традиции. В ней приспособление и сопротивление сливаются в трудно разложимом единстве. О том, каким образом традиции удастся и противодействовать времени, и пластично вписываться в исторические изменения, речь идет в предпоследнем разделе книги. В последней главе

я обратился к понятию бессознательного с тем, чтобы разобратся в процессах, которые формируют самосознание, послужившее мне категориальной точкой отсчета для подступа к прочим поднятым в книге проблемам. Таков тематический состав работы, предлагаемой вниманию читателей.

Я пишу это предисловие в нелегкое время. В человеческой истории было много отрезков, куда более катастрофичных, чем нынешний, но, пожалуй, не было времени более безнадежного, чем наступившее. Социокультура перестала порождать образы еще небывалого будущего; если она и заглядывает вперед, то для того, чтобы обосновать сокращение своего творческого напора перед лицом экологического бедствия. Такое новое начало социокультурного строительства обозначает не что иное, как его конец. Мы на излете то ли одного из периодов духовной истории, то ли ее самой в целом. Этот катагенез особенно ощутим в России. То, что в ней сейчас происходит, уныло повторяет финальные стадии сталинского и брежневского правлений. Как первое из них развязало, завершаясь, проверяющую силу Запада пробную войну в Корее, а второе в своей концовке такую же — в Афганистане, так и теперь Россия вторгается в Украину, забыв о том, что обе предыдущие авантюры не принесли их зачинщикам ни малейшего успеха. Как советская идеология в послевоенные годы взяла за образец для подражания дореволюционное прошлое страны, наглухо отгородив ее от мировой истории, и как под занавес брежневского режима усилилась борьба с «идеологическими диверсиями» Запада, так и сегодня Россия погрязла в ностальгии по великодержавности и провинциальном изоляционизме, жестоко подавляя инакомыслие. От книги о приспособлении и сопротивлении можно было бы ожидать в этих условиях, что она займется ими в первую очередь, из них вызреет, их положит в фундамент выстраиваемых концепций. Такого рода злободневности она лишена. Я предпочел движение не от настоящего в глубь истории, а из толщи времен к нашим дням, негодованием на современность внутри нее самой, принципиально не охватывающему ее полностью, — попытку объяснить, как и откуда она выросла в сравнении с тем,

что было. Объясни — и окажешься по другую сторону от экспланандума. Затягивающееся властвование вызывается желанием правителей во что бы то ни стало остаться в современности, придать ей нескончаемость. Если будущее неопределенно, а быть может, и вовсе пусто, то лучший способ выступить против вышедшей из-под контроля разума, бессмысленно убийственной и столь же абсурдно запретительной современности — занять метапозицию по отношению к ней в истории, в которой ее еще не было.

Нет худа без добра. После сетований на удручающие обстоятельства, в которых заканчивается работа над книгой, мне тем более радостно — по контрасту с ними — принести благодарность всем, кто способствовал написанию моего сочинения: Андрею Арьеву, Якову Гордину, Сергею Зенкину, Корнелии Ичин, Илье Калинину, Кириллу Кобрину, Алексею Пурину, Станиславу Савицкому, Илоне Светликовой. Я особенно признателен Ирине Прохоровой за всегдашнюю готовность публиковать мои книги. Надежда Григорьева была первой отзывчивой читательницей всех глав, вошедших в «Приспособление/сопротивление». Спасибо, Надя, за советы и критические замечания!

31 октября 2022